

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**КАРАКАЛПАКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. БЕРДАХА**

Кафедра русской филологии

**Курс лекции
По филологической компаративистике**

Составила: Аманова А.А.

2008г

МЕСТО СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ СРЕДИ ДРУГИХ ДИСЦИПЛИН НАУКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Сравнительное литературоведение как историко-литературная дисциплина входит в состав более широкой науки – науки о литературе, трактуемой в самом общем смысле этого термина. Здесь оно соприкасается с историей литературы, критикой и теорией литературы, а также прямо или косвенно со всемирной литературой. Следовательно прежде чем приступить к изложению сути нашего исследования необходимо предварительно разграничить названные выше дисциплины и таким образом выявить отличительные особенности данной науки. Следует отметить некоторые соображения относительно самого понятия «наука» применительно к литературе.

Как известно, понятие это широко использовалось еще в прошлом веке представителями различных направлений – от позитивистского до метафизического.

Подчинение гуманитарных – и в частности, литературных – дисциплин всеобщей тенденции превращения в науку обусловлено распространением еще во второй половине минувшего столетия понятия «наука» не только на область природы, но и на область «духа». Тогда-то и были заложены основы социологии, психологии, физиологии, фольклористики, истории и т.д., не без помощи некоторых методов естественных наук. В литературной науке использовался опыт не только лингвистики, что было вполне естественно, психологии – у Сент-Бенева и социологии – сперва у госпожи де Сталь, еще до окончательного утверждения этой дисциплины.

Еще в древнюю пору под наукой подразумевали процесс приобретений знаний. Много позднее Кант уточнил, что речь при этом идет о точных неопровержимых знаниях, более того, об организации этих знаний согласно определенным принципам. Затем Спенсер предложил свою знаменитую формулу о трех различных видах познания: грубых разрозненных, эмпирических знаниях; затем частично унифицированных знаниях, то есть философии.

В свете подобных определений литературоведение можно рассматривать как процесс приобретения достоверных знаний, как некий комплекс знаний, сгруппированных вокруг определенных «ведущих» опор, или, согласно формуле Спенсера, как систему частично унифицированных знаний, в том смысле, что они относятся к узкой области литературы, где преобладает художественный аспект.

Каждая дисциплина литературоведения имеет свое собственное содержание. Так, например, литературная критика изучает отдельные явления литературы, стремясь определить их художественную ценность и оригинальность. История литературы изучает процессы развития мировой и отдельных национальных литератур, выявляя их своеобразие, а также анализирует творческий путь тех или иных деятелей литературы и определяет их место в процессах эпохи, следовательно, делает особый упор на эпоху, некоторые ее моменты. Наконец теория литературы ставит перед собой задачу изучить законы развития литературы, ее методы, течения, жанры, роды и виды, структурные особенности построения произведений, язык и другие изобразительно-выразительные средства. Что же касается сравнительного литературоведения и всеобщей литературы. Которые мы в данном случае рассматриваем вместе, то их предметом является разнообразные литературные явления (отдельные либо группы явлений), соотнесенные с определенными моментами развития и принадлежащие к четко разграниченным лингвистическим и историческим сферам.

Литературоведение, будучи наукой, отвергает ненаучное толкование явлений на основе чисто импрессионических впечатлений. Так как нет и не может быть познания в себе, то, например, литературная критика не может быть познания в себе, то, например, литературная критика не может ограничиваться результатами изолированного исследования: ведь в сущности, всякое определение предполагает соотнесение, сравнение с аналогичными явлениями.

Следовательно, какая-то система наблюдается во всех дисциплинах литературоведения, и именно она и составляет ядро той науки, к которой мы все стремимся.

Как известно, некоторые ученые, прежде всего историки литературы, полагали что литературные дисциплины – это всего лишь последовательное изложение фактов, в лучшем случае серии фактов, и несовместимы с любым понятием закона. Однако многие ученые, даже в пору философского идеализма высказались за существование законов литературной эстетики. Некоторые литературные направления и стремились развивать отдельные аспекты этого синтеза: импрессионизм – зрительную, живописную образность, парнасизм – скульптурные возможности, классицизм – архитектурные возможности и т.д. Таких механических соотношений в литературоведении не может быть, ибо между так называемыми «причинами» и «следствиями» всегда имеется целый ряд непредвиденных факторов.

Что же касается *сравнительного литературоведения* как области науки о литературе, то предметом ее последовательных и систематических исследований является частный аспект литературных явлений, а именно не их изучение по отдельности или в неких группах в пределах соответствующего исторического периода, а соотнесение этих явлений – как мы указывали выше – с аналогичными в другой национальной сфере. При этом надо заметить, что языковые различия при таком соотнесении хотя и имеют большое значение, но не являются достаточным основанием для такого рода исследований ибо компаративистский подход применим к одноязычным литературам. Общеизвестно, что литературы на английском, немецком французском или испанском языках развивались в разных районах земного шара и в различные исторические периоды: на английском – в Англии и Америке, французском - не только во Франции, но в Бельгии, Канаде, немецком – в Австрии и в Швейцарии. Как и любая другая дисциплина науки о литературе, сравнительное литературоведение стремится выявить общие закономерности межлитературных связей, учитывая прежде всего общественно-экономические факторы при научной характеристике явления.

Вопрос о соотношении сравнительного литературоведения и прочих дисциплин науки о литературе.

На первый взгляд может показаться. Что взаимоотношения между сравнительным литературоведением и литературной критикой крайне эфемерны. В этой связи не лишне напомнить, что ученые-копаративисты не раз игнорировали или, наоборот, придавали чрезмерное значение исследованию литературных явлений как специфических художественных структур. Пауван Тигем, например придерживался одно время мнения, что «понятие «сравнительное» надо освободить от любой эстетической нагрузки, оставив ему лишь исторический смысл».

Именно поэтому-то столь необходима помощь литературной критики, которая позволяет выявить – предварительно или в процессе исследования – эстетико-литературное сходство обсуждаемых явлений. Без этого сравнительное литературоведение превращается в сравнительное культуроведение, сравнительную историю, сравнительную философию и т.д. Конечно, и подобные исследования имеют свой смысл, а порой они соприкасаются и с компаративистскими изысканиями (в области древней литературы, например), но при этом границы наук должны быть четко обозначены.

Другая, очень важная для нашей дисциплины задача литературной критики состоит в выявлении возможных форм и аспектов литературных произведений, например композиции, стиля, стихосложения, родов и видов произведений и т.д.

К тому же сама художественная ценность произведения, которую нам помогает понять литературная критика, во многих случаях оказывается причиной взаимовлияний произведений различных культурных ареалов, то есть себя представляет собой фактор международных связей. Более того, можно с полным основанием утверждать, что развитию различных философских и социальных учений во многих странах мира решительное содействие всегда

оказывала литература, и, наоборот, отсутствие такой поддержки затрудняло их распространение.

Что касается точек соприкосновения сравнительного литературоведения с теорией литературы, то их значительно меньше. Теория литературы носит, в сущности, философский характер, так как постоянно стремится повысить уровень своих обобщений, в то же время сравнительное литературоведение добивается конкретного анализа явлений, соотносенных друг с другом, следовательно, моменты общности двух дисциплин носят чаще всего случайный характер. И все же мы должны заметить, что дисциплина сравнительного литературоведения, как и другая гуманитарная наука, отнюдь не лишена теоретической базы. Ее исследования, несомненно, углубляют анализ литературных явлений, получивших международное распространение, более того, они нацелены на выявление их сущности, что особенно наглядно при изучении неисторических типологических схождений. В этих случаях сравнительное литературоведение затрагивает проблемы всеобщей поэтики, и даже всеобщей эстетики, соприкасаясь тем самым с теорией литературы.

Более тесны и органичны, естественно, связи сравнительного литературоведения с историей литературы.

Задачи истории литературы разнообразны и вообще хорошо известны. Прежде всего она изучает истоки литературных явлений (источники, влияния, связь с действительностью – природой и обществом), их внутренний генезис, то есть этапы создания произведения в тесной связи с эпохой, фактологический аспект произведения, идеи и чувства, содержащиеся в нем, на фоне идей и чувств эпохи или предшествующих исторических этапов; далее, эволюцию литературного искусства и его современное состояние, преемственность литературных явлений в процессе развития жанров и видов. Наконец, история литературы интересуется судьбой произведений после их выхода в свет, причинами успеха или неудач, постигших их на протяжении времени в литературах разных народов.

Все эти интересы близки и сравнительному литературоведению. Оно тоже исследует внешние факторы, относящиеся к другим литературам или культурам и сыгравшие ту или иную роль при создании произведений (истоки, влияния), а также генезис литературных явлений, этапы их развития вплоть до окончательного оформления, выявляя одновременно стилистическое воздействие возможных национальных образцов. Далее, оно изучает соотношения между различными аспектами структуры произведения и их возможные зарубежные модели, а также истоки идей и чувств, содержащихся в произведении, стремясь найти точки соприкосновения с «передатчиками», принадлежащими к иным лингвистическим и историческим сферам. В не меньшей мере уделяется внимание определению места некоторых литературных явлений в мировой литературе (типологических схождений, например), и, наконец, судьбе произведений на протяжении веков и в различных районах земного шара. Отсюда следует, что сравнительное литературоведение тесно соприкасается с историей литературы и историей методологии, о чем в дальнейшем будет сказано подробнее.

Является ли сравнительное литературоведение исключительно историко-литературной дисциплиной или – хотя бы отдельными своими аспектами – выходит за пределы собственно исторических задач?

Говоря об отношениях между сравнительным литературоведением и теорией литературы, мы уже отчасти коснулись и этого вопроса. Так как основные цели науки сводятся к изучению проблем влияний параллелизмов, выявлению специфики каждой литературы в сравнении другими литературами, то ясно, что структура сравнительного литературоведения должна быть преимущественно исторической. Взаимовлияния невозможно рассматривать вне связи с эпохой; типологические схождения. Например великие литературные течения – Возрождение, барокко, классицизм, реализм и романтизм, - всегда изучаются в контексте эпохи, конкретных условиях общественной и идеологической действительности. И наконец, выявление специфики национальной литературы путем сопоставления с другими литературами, также предполагает сравнение конкретных условий эпохи с общественно-политическими условиями различных

эпох в целях определения постоянно действующих факторов, а также диалектических изменений, происходящих в водовороте времен.

Однако, несмотря на эту очевидную и неоспоримую историческую направленность предмета, определенный аспект исследований – некоторые типологические схождения – остается при этом неохваченным. Столь знаменательные порой схождения между произведениями, весьма далекими по времени, так и по месту их появления, иногда невозможно объяснить даже самыми отдаленными общественно-политическими аналогиями, и это свидетельствует о существовании явно внеисторической типологии, построенной на общепсихологической основе и носящей, несомненно, систематический характер. Как и другие гуманитарные дисциплины, сравнительное литературоведение тоже стремится к философской определенности, оно вносит свой вклад в разработку великих проблем, касающихся сущности литературы и всеобщей эстетики.

Рассмотрим также вопрос о взаимоотношениях двух родственных дисциплин – всемирной литературы и сравнительного литературоведения, которые соприкасаются самым теснейшим образом, но границы между ними не стираются даже относительно.

Обратимся прежде всего к понятию «всемирная литература», вызвавшему в свое время горячие споры. В полной мере дисциплина эта утвердилась лишь в прошлом столетии. Уже в начале этого столетия прозвучало знаменитое, часто цитируемое выражение Гете «Weltliteratur» («мировая литература»), означавшее, что теперь на первый план выдвинулась всемирная литература, в то время как национальные литературы утрачивают свое значение.

Конечно, в первой своей части утверждение Гете было совершенно справедливым: в XIX веке происходил усиленный обмен материальными и духовными ценностями; в этот процесс оказались втянутыми страны Восточной Европы, включая Дунайские княжества. Но абсолютно не соответствовала действительности вторая часть гетевского утверждения об утрате значения национальными литературами. В действительности, тогда происходил процесс одновременного развития всемирного, но и национального литературного сознания, сближения, но и четкого разграничения литератур.

Нельзя утверждать, что процесс универсализации литератур совпадает с процессом зарождения универсального сознания. Первый можно проследить во времени начиная с античности. На Дальнем и Ближнем Востоке и в Европе уже тогда существовали огромные области, внутри которых шел весьма оживленный обмен культурными ценностями. По всей Азии, вплоть до ее дальневосточных окраин, были широко распространены произведения не только фольклорного характера, но и литературные. Такое же широкое передвижение культурных ценностей происходило и в странах Ближнего Востока – от Египта до Палестины. Что же касается всей Южной Европы, то здесь полновластно господствовала древнегреческая литература, а после нее, следуя греческим образцам, но сохраняя при этом свое неповторимое своеобразие, появится латинская литература. Средневековье – с его прочной католической базой на западе и православной на востоке – несомненная пора универсализации литератур. Великие литературные и общекультурные направления, следовавшие после Возрождения, – барокко, классицизм, просветительство, романтизм и реализм, затем новые школы и течения второй половины минувшего столетия и нашего века – от парнасизма и символизма до сюрреализма и экспрессионизма, – все были универсальными по своему характеру.

Однако эта универсальность, как показало развитие культуры, была неодинаковой в различные эпохи – античную, средние века и в наше время, и только отдельные черты повторялись из эпохи в эпоху. Из вышеуказанного сделаем попытку обобщить эти черты.

Возникновение «всемирной литературы» ознаменовало качественно новую ступень качественно новой ступень по сравнению с национальными литературами. Как говорили, что не следует противопоставлять всеобщее национальному. В таком случае мы бы не смогли охватить все явления литературного процесса, например литературу античности, не имеющую национального аспекта. Мы полагаем уместным заменить упомянутое выше противопоставление более общим, а именно всеобщего частному, применимым к любой эпохе.

Всемирная литература не является, и это, впрочем, неоднократно подчеркивалось, простой суммой местных или национальных литератур. Между тем, такая точка зрения весьма живуча, ее нетрудно обнаружить во многих трудах, начиная с курса В. Шлегеля (1801-1804) и кончая работами по истории литератур О. Вальцеля или К. Вайса (1939), причем сюда можно отнести все немецкие исследования этого плана с 1894 г. (Юлиус Харт) до 1914 г. (П. Виглер) и даже историю литературы Джакомо Прамполини (*Storia universal della letteratura*). С таким пониманием всемирной литературы встречаемся мы и в наши дни, прежде всего в различных работах по истории европейских литератур. При этом дают себе знать следы старой евроцентристской концепции, хотя ни для кого не секрет, что наша эпоха носит всемирно-исторический характер.

Мы уже подчеркивали, что всеобщая литература – качественно новая ступень по сравнению с национальными, местными литературами. Что это означает? Во всяком случае, не то, что можно игнорировать особенности местных литератур, ибо, в сущности, на них то и строится всеобщность. Речь идет о других формах преодоления частного, а именно о переходе литературного явления из пределов одной лингвистической и стилиевой сферы в другие, о его распространении, обусловленном оригинальными особенностями.

Всемирная литература отличается также высокой идейной направленностью произведений, насыщенных духом действенной социальной критики. Вот почему, чем «нейтральнее» художник, тем ниже уровень его известности, тем менее читаемы его творения.

Само собой разумеется, что достоинства всемирной литературы обусловлены художественной ценностью структур, ее составляющих. Занимательный сюжет, выразительный язык и стиль, выпуклые характеры, четкая композиция, блистательная новизна образов, оригинальность стихосложения значительно содействуют выходу произведения за пределы страны, в которой оно появилось.

Что же качается критериев, благодаря которым то или иное творение получает право на универсальность, то их можно, на наш взгляд, свести к трем группам. Универсальными являются или становятся схожие по структуре произведения, течения, а также творческие личности, которые появляются одновременно у нескольких народов в одну и ту же эпоху или в близкие по времени периоды в сходных общественно-экономических условиях. Мировое хождение получают затем явления, оказывающие значительное воздействие на другие литературы либо благодаря личности самого художника, либо идеям и чувствам, заложенным в произведениях, либо художественной ценности самого произведения. Универсальным, наконец, становятся явления, которые получают распространение за пределами своей лингвистической зоны не только в силу самих процессов распространения, но и благодаря своему высокому идейно-художественному уровню.

Конечно в конкретно-исторической обстановке эти критерии чаще всего переплетаются между собой: так всемирные литературные направления порождаются в равной мере и сходными общественно-историческими условиями, и взаимными влияниями, и широким распространением произведений. Однако история литературы знает случаи, когда упомянутые выше предпосылки для универсализации можно выделить в «чистом виде». Примеры такого рода явлений можно рассмотреть в ходе дальнейшего изложения.

Понятие «всемирная литература» часто ставится в один ряд с понятием «сравнительное литературоведение». Рассмотрим вопрос о сходствах и различиях между ними.

Среди важнейших проблем всемирной литературы. Которые изучаются одновременно и сравнительным литературоведением, особое место принадлежит влияниям и типологическим схождениям. Оговорим, однако, сразу, что подход к ним двух дисциплин совершенно различен. В рамках всемирной литературы влияния и типологические схождения рассматриваются лишь в качестве критерия универсальности. Мы говорим, что то или иное литературное явление универсально (например, Возрождение, Барокко), если оно возникает в различных странах либо одновременно, либо с небольшими промежутками времени, или в том случае, когда оно воздействует на другие литературы (петраркизм, руссоизм и др.). следовательно, в данном случае речь идет о всего лишь о простом средстве определения универсальности.

Иная роль типологической общности и влияния в сравнительном литературоведении. Здесь оно изучается как процессы развития и устанавливаются закономерности, выявляются их соответствующие оперативные функции.

Что же касается распространения литературных явлений, то она интересует компаративистику в меньшей мере: к нему обращаются как второстепенному количественному показателю, который подтверждает наличие параллелизмов или влияний статистическими данными.

Но различия двух дисциплин этим не исчерпываются. Так, во всемирной литературе национальное своеобразие литератур рассматривается как один из возможных аспектов универсальности. В сравнительном литературоведении методами сопоставления выявляются специфические особенности национальных литератур, а также их художественная ценность на фоне достижений мировой литературы. В отличие от всемирной литературы, которая обращается преимущественно к общим аспектам различных литератур, в поле зрения нашей дисциплины всегда остаются и частные стороны всемирно известных явлений. Сравнительное литературоведение интересуют не только Возрождение, барокко или европейский романтизм в целом, но и своеобразие этих течений в различных странах, а также в какой мере отразились в них конкретные условия жизни народов или наций в тот или иной период исторического развития.

РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Как известно, развитие собственно сравнительного литературоведения начинается во второй половине XIX века, точнее, к концу столетия, и продолжается в условиях непрестанного разветвления науки и уточнения ее целей и по сей день. Общий обзор проделанного ею пути представляется необходимым не только с точки зрения истории предмета, но и потому, что он позволяет проследить эволюцию основных направлений развития науки с первых дней их возникновения и до настоящего времени.

В этой связи небезынтересно ознакомиться – хотя бы кратко – с трудами исследователей – предтеч нашей дисциплины (о которых мы часто забываем), начиная с периода Возрождения и вплоть до сознания науки как таковой. Большой интерес к античности в эпоху Возрождения способствовал появлению целого ряда исследований сравнительного характера. Вышло немало трудов, в которых сопоставлялось творчество греческих и латинских писателей, при этом подчеркивалось превосходство первых, ставших образцами для вторых, но не отвергалось и оригинальность последних. Особенно обращалось внимание на бережное сохранение Вергилием правил эпического искусства Гомера. Во многих трудах сравнивались творения Данте и Петрарки с произведениями писателей античности.

В эпоху классицизма при всей верности традициям античности проявляется все большая чуткость к собственной оригинальности в сравнении с различными литературными образцами, среди которых многие относились к средневековой или к непосредственно предшествовавшим ему периодам.

XVIII век с его космополитическими тенденциями значительно содействовал усилению интереса к инациональным литературам и к разработке обобщающих трудов по истории европейской литературы.

Рационализм эпохи Просвещения, чуждый духу историзма, не мог благоприятствовать развитию сравнительно-исторических исследований, с их дифференцированным подходом к литературным явлениям. Лишь к концу XVIII века, в результате усилий литературоведа Лапарга и историка Мармонтеля, постепенно утверждается новый климат, подходящий для компаративистских изысканий. В это время появляются труды Гердера, сделавшего очень много для обоснования исторической концепции культуры, а следовательно, и для перспективы сравнительных исследований.

Интенсивное политическое, общественное и культурное развитие в первой половине XIX века, вызванное распространением идей революции 1789 г. и влиянием наполеоновских войн,

создало благоприятную атмосферу для оживленного обмена материальными и духовными ценностями эпохи. Как мы уже упоминали, Гете открывает новую страницу в истории культуры, подчеркивая значение появления «Weltliteratur».

Интерес к зарубежным литературам, таким образом, все более усиливается, в нем четко обозначаются два направления: с одной стороны, в духе просветительских концепций минувшего столетия подчеркивается общность национальных литератур, с другой – все большее внимание уделяется различиям между ними, чему содействует романтизм, обретший полную силу в начале XIX века.

В это время братья Шлегели выступают за создание истории всемирной литературы, охватывающий в равной мере и античность и современную эпоху. Широкую панораму всемирной литературы обрисовал, например, Фридрих Шлегель в своих знаменитых лекциях, прочитанных в Венском университете (1812)¹, а его брат Август Вильгельм обращает взор немецкого читателя к Шекспиру, к итальянской, испанской и португальской поэзии (1804)² и вместе с Фридрихом закладывает теоретические основы романтической школы. В это же время Фридрих Боутервек³, не являющийся сторонником романтической школы, создает за ее пределами широкую панораму итальянской, испанской, французской и португальской поэзии и ораторского искусства, начиная с XIII века и кончая XIX веком. Здесь же уместно назвать и госпожу де Сталь, которая познакомила Францию и весь западный мир с почти незнакомой культурой Германии эпохи «Бури и натиска», классицизма и романтизма, сопоставила литературу Севера, романтическую по своему характеру, с литературой Юга, почитаемого средоточием классицизма, при этом выявив специфические, по ее мнению, черты немецкой литературы: индивидуализм, дух самостоятельности, метафизичность, и представив читателям видных деятелей эпохи – от Виланда и Винкельмана до Лессинга, Гете и Шиллера. Она всячески славит романтический идеал и противопоставляет – в свете своих либеральных взглядов – Германии Францию эпохи Наполеона.

Все эти пронизанные духом универсальности работы, стремившиеся осмыслить уже в начале XIX века литературные и культурные явления в историко-сопоставительном плане, основательно подготовили ту благоприятную почву, на которой позднее взрастет компаративистская наука.

К этому времени возникают также благоприятные условия для становления компаративистики как исторической науки. Сам термин «сравнительное литературоведение», не очень удачный, о чем мы будем говорить позднее, впервые прозвучал в трудах именно этих исследователей. Так, например, Филарет Шаль опубликовал плоды своих изысканий в двадцати томах под общим заглавием «Исследования по сравнительному литературоведению» (1847-1864). Следовательно, есть все основания считать названных выше исследователей первыми компаративистами, хотя нельзя еще говорить о наличии четкой методологии, ибо она появится лишь в конце столетия. Они остаются предтечами-энтузиастами, которые, хотя и представляют себе в общем виде будущую науку, пока что занимаются в основном простым сложением разрозненных знаний в области различных литератур.

Новые импульсы получает сравнительное литературоведение и от других наук, которые к этому времени все настойчивее обращаются к сопоставительному анализу. Из гуманитарных дисциплин сравнительная мифология, а затем сравнительная лингвистика (труды Фреля, братьев Гримм, Дица и Боппа) и, наконец, фольклористика, где проводились первые компаративистские изыскания, касающиеся миграции фольклорных тем, сюжетов, мотивов. Все эти исследования развиваются одновременно со сравнительным литературоведением, содействуют его становлению и в свою очередь используют его достижения.

Помимо этих импульсов, шедших со стороны различных наук, решающее воздействие на становление сравнительного литературоведения оказывала сама историческая действительность, то есть развитие международных литературных связей на протяжении

¹ Fr. Schlegel, *Geschichte der alten und neuen Literatur*, Viena, 1812.

² A.W. Schlegel, *Blumenstrauss italienischer? Spanischer und portugiesischer Poesie*, Viena, 1804.

³ Fr. Bouterwek, *Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des XIII-e Jahrhunderts*, 1801-1819.

минувших столетий и вплоть до XIX века. В эволюции этих связей обозначились три больших периода, внутри которых литературные явления слились в крупные всемирные единства, что стимулировало их комплексное изучение и давало повод для общих сопоставительных исследований. Речь идет прежде всего о средних веках, литературные единства которых в значительной мере были обусловлены единством веры, общей фольклорной основой (общие типы, мотивы, легенды) и общей культурой – латинской на западе, византийской и славянской на востоке. Затем следует Возрождение, единство литературных явлений которого зиждется на общем античном наследии и общегуманистических идеях эпохи. И наконец, просветительство XVII века, выросшее на основе французской культуры и французского языка.

Развитие сравнительного литературоведения становится особенно заметным во второй половине XIX века, точнее, в период между седьмым и последним десятилетиями, когда направление его исследований становятся все более разнообразными и на повестку дня выдвигается вопрос о становлении сравнительного литературоведения как самостоятельной науки. Целый ряд работ, посвященных проблеме влияний, появляется прежде всего во Франции, где традиции подобных изысканий восходят к концу предыдущего столетия. В центре внимания ученых романо-германские литературные связи: распространение творений Данте и Шекспира в Германии; литературные взаимоотношения между Англией, Германией, Италией и Францией. Появляются также работы, посвященные проблемам преемственности, особенно в связи с творчеством Гете, Байрона и др., свидетельствующие о более глубоком проникновении в будущие области новой науки. Одновременно публикуется и первое обобщающее исследование «Главные течения в европейской литературе 19 в.», принадлежащее перу Георга Брандеса, который вскоре станет одним из видных предшественников сравнительного литературоведения в сложной области общеевропейских синтезов. Его работа, вышедшая в шести томах на датском языке между 1872 и 1890 гг., была переведена затем на немецкий и другие языки. Помимо собственных литературных процессов (французский предромантизм, затем немецкий, которому автор критически противопоставляет датских романтиков, за ним английский натурализм, романтическая французская школа, «Молодая Германия»), в книге представлены также в либеральном освещении и некоторые политические события эпохи.

К этому времени, то есть в восьмом десятилетии, появляются первые предисловия и статьи, в которых содержатся элементы теоретических обобщений, свидетельствующие о том, что настанет момент, когда дисциплина начинает осознавать существование самой себя. И действительно, после 1885 года мы становимся свидетелями, если можно так выразиться, официального признания сравнительного литературоведения как самостоятельной науки. Выходит книга Хетчисона Познета «Сравнительное литературоведение» (1886), базирующаяся на материалах мировой литературы. Автор, устанавливая аналогии литературных явлений, стремится выявить законы возникновения литературных жанров в сходных социальных условиях. Х. Познет относится с восхищением к греко-латинской цивилизации, но в поисках явлений для сравнения выходит – и это весьма характерно для того времени – за пределы Европы, охватывая, например, Мексику, Индию и Китай. В это же время в Женеве читаются первые курсы лекций по сравнительной истории литературы, а в Германии в 1887 году Макс Кох начинает издавать «Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte» («Журнал сравнительной истории литературы»), первый журнал по специальности, который будет выходить до 1910 г. Снабженное передовыми статьями, содержащими программные концепции издателя, это периодическое издание превратилось в первый координирующий центр компаративистских исследований, и поэтому вклад его в развитие науки, был, несомненно, решающим. Одновременно выходит ряд статей и работ, посвященных проблемам испанских и итальянских влияний в Англии или французских – в Италии и Германии.

Особенно следует отметить значительный вклад в развитие сравнительного литературоведения Фердинанда Брюнетьера, как его прославленными лекциями в Высшей педагогической школе (Ecole Normal Supérieure), так и статьями в журнале «Revue de deux mondes». Он всячески обосновывает необходимость широкого охвата явлений мировой

литературы, предсказывая, что только таким путем (а не ограничиваясь национальными рамками) можно определить «кривую эволюции европейских литератур».

Идеи Брюнетьера получили конкретное развитие в трудах его учеников, особенно Жозефа Текста, автора – помимо прочих работ – полной энтузиазма декларации относительно перспектив сравнительного литературоведения: «Я верю в будущее сравнительного литературоведения, европейского литературоведения. Брандес, Макс Кох, Эрих Шмидт в Германии, Х. Познет в Англии проложили путь, и мы последуем этим путем».

В результате разнообразных исследований, упомянутых и не упомянутых на страницах этой работы, развития методологии и создания библиографии в качестве вспомогательного инструмента исследования в конце XIX столетия были заложены основы новой дисциплины; свидетельство о ее рождении было подписано именно в эти годы.

С самого начала нового века сравнительное литературоведение развивается довольно быстро, уточняя цели своих исследований и постепенно осуществляя их.

Как известно, в Германии усилиями Гете всеобщая литература значительно шагнула вперед в своем развитии. В эпоху романтизма, как об этом упоминалось выше, большой вклад внесли прежде всего братья Шлегели, а затем, в конце прошлого столетия и начале нашего века, исследователь Макс Кох своими трудами и деятельностью издаваемого им журнала. После войны компаративистские изыскания множатся: проводится сравнительное исследование европейских литератур, то есть выявляются их общие аспекты, и вместе с тем исследуется своеобразие каждой литературы на фоне мировой литературы. В центре внимания ученых (В. Мильха, Г.О. Бюргера, Г.В. Эппельсгеймера, автора библиографического пособия по всеобщей литературе, и др.) находятся преимущественно литературы западноевропейских стран, а именно общие пути развития этих литератур.

Среди немецких работ по компаративистике, эстетике и истории, вышедших после второй мировой войны, особенно выделяются две книги, получившие всеевропейскую известность. Это исследования Е.Р. Курциуса о европейской литературе и латинском средневековье (1948) и работа Ауэрбаха «Мимесис» (1946). Курциус – романист, историк литературы и философ культуры, был, несомненно, в период 1914-1930 гг. самым выдающимся специалистом по проблемам распространения и интерпретации французской культуры и литературы в Германии. Он автор многочисленных трудов в этой области, начиная с его диссертации на тему о месте Брюнетьера в истории французской критики¹ и до работы «Франция, введение во французскую культуру» (1930). Его исследования охватывали всю культуру Европы переходного периода от античности к средневековью, а также средних веков. При всей своей склонности к синтезу Курциус всегда основывался на исторических фактах, подчиняясь строгой дисциплине филолога-исследователя.

Работа Ауэрбаха «Мимесис»² – типичное стилистическое исследование, «*Stilforschung*», в котором путем детального, почти микроскопического анализа коротких литературных фрагментов воссоздается историческая панорама развития западноевропейской литературы по периодам – от средневековья до нашей эпохи. Автор выделяет две области (идеи и чувства, с одной стороны, «имитацию конкретной действительности» – с другой) и два стиля, выражающие их (высокий литературный стиль и стиль тривиальный, комический), и показывает, как они сливались дважды на протяжении истории – в средние века и в XIX веке.

Значительную роль в развитии сравнительного литературоведения в Германии сыграл Курт Вайс, профессор Тюбингенского университета, неоднократно подчеркивавший значение данной дисциплины. Он опубликовал в 1939 г. коллективный сборник статей по современной европейской литературе, в котором применил метод сложения национальных литератур, прославленный ученый ратовал не только за необходимость обращения к сравнительному литературоведению, но и отмечал его объективное наличие в любом исследовании по истории литературы, как, например, в собственной книге о Маларме, где говорится о связи немецкого

¹ E.R. Curtius, *Ferdinand Brunetiere; ein Beitrag zur Geschichte der franzosichen Kritik*, 1914.

² Русск. Пер. М., изд-во «Прогресс». 1976.

символизма с французским романтизмом. Под его редакцией выходила также серия «Проблемы исследований историко-сравнительного литературоведения» (1951). Воспитанник романской филологической школы и французского компаративизма (Бальдансперже) Курт Вайс неоднократно обращался к литературной проблематике западного средневековья, в частности к взаимоотношениям западноевропейской эпики и «*Nibelungenlied*» («Песнь о нибелунгах»). Затем он изучал французскую лирику от Маро де Вальери, а также творчество латиноамериканских поэтов Ромуло Гальегоса и Габриэлы Мистраль. Значительным явлением следует считать теоретические работы Фрица Штриха, например его исследования по «Мировой литературе и сравнительно-историческому литературоведению», опубликованные в сборнике «Философия науки о литературе», изданном Эрматингером (1930), а также конкретные, как, например, «Гете и всемирная литература» (1946), получившие широкий отклик. Следует еще упомянуть о такой вспомогательной работе, как библиография немецких переводов французских книг за период с 1700 по 1948 г.

В ФРГ была образована Ассоциация компаративистов, руководимая Хорстом Рюдигером, исследователем с мировым именем, профессором Боннского университета, директором журнала «*Arcadia*», выходящего в Бонне. Послевоенные компаративистские исследования в ФРГ охватывают преимущественно западноевропейские литературы, рассматриваемые в историческом плане.

Значителен вклад прежде всего русских исследователей, которыми в равное мере разрабатываются как теоретические вопросы, так и проблемы взаимоотношений русской и советской литератур с литературами всех стран мира. Наиболее известны имена Р.М. Самарина, И.И. Анисимова, В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева; заслуживают пристального внимания труды В.И. Кулешова, Н.И. Конрада, И.Г. Неупокоевой, Б.Г. Реизова, Т.Л. Мотылевой, деятельность которых особенно активизировалась после 1957 г. Издано несколько сборников с общеметодологическими, теоретическими и конкретными исследованиями.

О НАЗВАНИИ НАУКИ И ЕЕ ПРЕДМЕТЕ

Терминологические споры не пользуются благосклонностью исследований. Некоторые считают их просто бессмысленными: важна суть, а не название. Думается, что подобное отношение лишено всякого основания. Термины, при помощи которых обозначаются научные понятия, а тем более дисциплины, должны быть предельно точны и строго соответствовать содержанию, так как их появление, постепенное утверждение сопровождает процесс осознания самого содержания, выявление самой сущности понятия.

У термина «сравнительное литературоведение» своя немалая история, начало которой прослеживается еще в XVIII веке. И все же начиная со второй половины XVIII века исследователи единодушно отдают предпочтение термину «сравнительное литературоведение», который по-французски звучит «*litterature comparee*», по-итальянски – «*letteratura comparata*», по-испански – «*literatura comparada*», по-японски – «*hikaku bungaku*», по-английски – «*comparative literature*». Правда, немецкие специалисты используют название «*vergleichende Literaturwissenschaft*» либо «*vergleichende Literaturgeschichte*». Наиболее точно содержание понятия передает немецкое обозначение, что, впрочем, подчеркивается и во французском издании недавнего времени – учебнике Пишуа и Руссо (1967), авторы которого отмечают, что настоящее время причастия в немецкой формуле более точно передает акт сравнения, нежели французский пассив. И все же термин «*litterature comparee*» был признан почти во всех странах. Заменить его сегодня представляется совершенно невозможным, хотя бы потому, что он относится к тем словам, о которых Ренан говорил, что их следует оберегать даже тогда, когда мы убеждены, что в них содержатся ошибки. А в нашем случае самой большой ошибкой было бы смешивать предмет дисциплины с ней самой – ведь в действительности речь идет не о «сравниваемой литературе», а о науке, цель которой сравнить одну литературу с другой или несколькими другими. Впрочем, причиной споров служит отчасти и сам характер

используемых терминов, относительно которых упомянутые выше авторы учебника иронически замечают, что они заимствованы частично из механики жидкостей (источник, течение, слияние ...), отчасти из сферы торговли (агенты, распространения, посредники, итоги, ценности и т.д.) и др.

Следовательно, принимая общепризнанный термин, мы должны постоянно иметь в виду его подлинное содержание, о чем и пойдет речь в дальнейшем.

Заметим прежде всего, что некоторые ученые склонны отрицать наличие специфического предмета исследования у сравнительного литературоведения и мотивируют это тем, что данная наука строится на использовании такого широкоупотребительного метода, как сравнение. Речь велась всего лишь о методе, в равной мере пригодном для изучения как всемирной, так и любой национальной литературы, а не о специфике предмета. Однако более чем восьмидесятилетний опыт развития науки убедительно выявил ее характерные особенности, о которых нам предстоит более подробно сказать.

По мнению других исследователей, предмет сравнительного литературоведения совпадает с предметом фольклористики. И в самом деле, изучение вариантов фольклорных тем, процессов их миграции, взаимоотношений между устной и письменной литературой выходит за рамки национальных границ и неизбежно оказывается в поле зрения компаративистов. А так как собственно эстетическое исследование фольклора утверждается во всех больших масштабах и литературный фольклор становится предметом анализа и сравнения с письменной литературой, то обе области, конечно же, могут совпадать. Но ведь наша наука изучает не только и не столько фольклорные творения, а в первую очередь и главным образом взаимоотношения между письменными литературами, которые не являются областью фольклористики. Само собой разумеется, что подлинные ценности фольклора используются в литературных произведениях и тем самым представляют интерес для сравнительного литературоведения.

Отрицать право на существование сравнительного литературоведения пытались и некоторые исследователи всемирной литературы, утверждавшие, что предметы двух наук совпадают. Всеобщая литература держит в поле зрения ценности всемирной сокровищницы литературы, между тем как сравнительное литературоведение исследует взаимоотношения и движение этих ценностей в условиях реальных исторических процессов.

Есть все основания утверждать, что у сравнительного литературоведения имеется свой четкий, к определению которого в самом общем виде рассмотрим далее.

На заре развития науки ученые полагали, что сравнительное литературоведение занимается исследованием взаимоотношений разноразличных литератур. Так, Паул ван Тигем считал, что предметом компаративистики «является изучение взаимоотношений различных литератур». В общих чертах, если обратиться к ценностям западного мира, она охватывает «связи между греческой и латинской литературами, вклад этих древних литератур в современные, начиная с периода средневековья и, наконец, взаимоотношения современных литератур»¹.

Более позднее определение предмета приводится из учебника Мариуса Франсуа Гюйяра (1965): «сравнительное литературоведение есть история международных литературных отношений. Компаративизм бодрствует у языковых или национальных рубежей и прослеживает процессы обмена темами, идеями, книгами или чувствами между двумя или несколькими литературами»². в сущности, в этом определении нашла отражение концепция старой французской школы Фернана Бельдансперже и «Журнала сравнительного литературоведения». Чей вклад в развитие компаративизма был значителен, особенно в области самих «международных отношений».

Есть так же мнение – и не без основания, – что компаративистские исследования затрагивают и другие явления, находящиеся за пределами простых литературных связей: так, схождения в литературах вызываются не обязательно прямыми контактами и влияниями, порой мы имеем дело с аналогиями, соответствиями, совпадениями, одновременным протеканием

¹ Paul van Tigem, *La littérature comparee*, Paris, Armand Colins, IV, 1951, p. 57.

² M.F. Guyard, *La littérature comparee*, Paris, 1965, p. 12.

процессов (понятия эти относительно однозначны), которые также должны изучаться сравнительным литературоведением. Все эти явления относятся к области типологических схождений.

Что же касается предложения специально и подробно изучать литературный структурализм в сфере сравнительного литературоведения, то в этом тоже нет никакой необходимости, поскольку проблемы, затрагивающие тематику, мотивы, композицию произведений, перевод и т.д., рассматривается во всех разделах исследований.

Очевидна также невозможность ограничивать предмет сравнительного литературоведения только международными связями. У этого предмета более емкое содержание, которое удачно передается термином «соотношения» между литературами. Именно поэтому мы предлагаем заменить термин «связи», трактуемый в узком смысле прямых контактов, термином «соотношения», который включает в себя и прочную проблематику сравнительного литературоведения, охватывая как явления параллелизма, так и то, что свойственно лишь отдельно взятой литературе. Следовательно, нам представляется, что сравнительное литературоведение изучает взаимоотношения различных литератур, иными словами, прямые контакты, влияния, заимствования, типологические схождения, а также специфические процессы развития национальных литератур.

Сравнительный анализ предполагает прежде всего наличие двух объектов, которые подлежат сопоставлению. Практика показала, что неперенным условием сравнительного анализа в данной науке является рассмотрение взаимоотношений различных литератур, и мы обязаны следовать этой традиции.

Следующий вопрос касается критериев дифференциации сравниваемых явлений. На первый взгляд кажется, что таким критерием может вполне служить язык, что речь идет, стало быть, о сопоставлении разноязычных литератур. В действительности же, в ходе исторического развития возникло немало одноязычных, но отличающихся друг от друга литератур: в Канаде имеется франкоязычная литература, в Северной Америке – англоязычная, в Южной Америке – испаноязычная. Однако их невозможно смешивать с европейскими – поскольку развивались они в другой среде и положили начало иным традициям. В силу всего этого они – самостоятельные явления, подлежащие сопоставлению, и входят в компетенцию сравнительного литературоведения.

В теоретических трудах последнего времени поднимался также вопрос и о самой сфере исследований: было предложено включить в нее все формулы культуры, в том числе и художественной. И все же по нашему мнению, такое расширение предмета сравнительного литературоведения, вплоть до охвата всех форм культуры – пусть только художественной, – выглядит чрезмерным. В этом случае сравнительное литературоведение превратилось бы в сравнительную философию культуры или в общую науку об искусстве, что значительно превысило бы его объем и усложнило бы задачи исследователей. К методу соотнесения литературных явлений с другими областями художественной культуры, разумеется, придется прибегать при рассмотрении тех явлений, которые подвергались влиянию других видов искусства и в какой-то мере заимствовали у них некоторые специфические аспекты, но это не может служить оправданием для выхода за пределы собственно литературной области.

Важным вопросом, который также относится к числу вводных, является определение временных и пространственных параметров науки.

СОДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Определив в общих чертах предмет сравнительного литературоведения, перейдем к более углубленному рассмотрению основных его областей:

1. Содержание международных связей литератур.
2. форма, или различные аспекты этих связей.

Что касается содержания международных литературных связей, то оно включает в себя темы, идеи, чувства, образы, стили и определяется структурой литературного явления.

Обратимся прежде всего к тематологическим исследованиям в сравнительном литературоведении, к тому, что определяют обретшим техническую окраску термином «Stoffgeschichte» («история темы») или менее распространенным французским синонимом «tematologie».

Хорошо известно, что тематика составляла наиболее разрабатываемую главу сравнительного литературоведения сперва у немцев. В частности в школе Макса Коха (журнал «Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte»), затем у французов и итальянцев. Число подобного рода исследований непрестанно росло, однако порой их качество оставляло желать лучшего, что и вызвало в конце концов ощущение некоторой пресыщенности и в определенной мере дискредитировало тематологические исследования.

По мнению некоторых ученых, такого рода изыскания подходят разве что для кандидатских и докторских диссертаций, имеющих дидактический характер. Поэтому представляется необходимым рассмотреть здесь вопрос о пользе тематических исследований, тем более что такие авторитетные ученые отказываются включать их в предмет исследования нашей дисциплины, приводя следующие аргументы:

1. Темы представляют всего лишь «литературное сырье», между тем как нашу науку интересуют интерпретации, то есть оригинальные разработки тем. Такое возражение выдвигают Кроче, Бальдансперже и Азар.
2. Темы не имеют особого значения, ибо одной и той же цели могут служить различные темы: например, темы «Фауста», «Манфреда», «Каина» или «Иисуса на горе Елеонской» использованы для ответа на один и тот же вопрос – о человеческой судьбе.
3. Тематические исследования охватывают произведения во временной последовательности их появления, вне связи между собой.
4. Отсюда вытекает, что тематология игнорирует последовательные связи и значение традиций.
5. Тем самым, продолжают противники тематологии, в тени остается проблема источников и влияний, эта столь важная область компаративизма.
6. Изучение тем не способствует выявлению специфики и оригинальности произведений, оно интересуется лишь общими, одинаковыми чертами.
7. В тематологических исследованиях темы рассматриваются вне исторического контекста и, как правило, привязываются только к одной эпохе. Приводились аргументы и в пользу тематологических исследований.

Возражения против тематологии чаще всего основываются на результатах неудачных исследований, авторы которых так и не постигли подлинного смысла компаративистских изысканий. Тот факт, что в некоторых трудах не решена проблема преемственности, не рассматриваются вопросы влияний и заимствований, не подчеркивается оригинальность произведений, объединенных общей тематикой, то, что тема порой рассматривается вне исторического контекста, свидетельствует о неудаче самого исследования, а не о бесполезности постановки такой проблематики.

Подлинно научное исследование такого типа не может обойтись без внимательного изучения традиционных линий темы, того, что связывает между собой произведения с учетом исторических условий, в которых оно возникло. Вот почему аргументы четвертый, пятый, шестой и седьмой мы считаем не убедительными.

Что же касается других аргументов, то наши возражения сводятся к следующему: темы – это не «литературное сырье», они, как замечал Р. Труссон, говоря о мифах, уже в момент обращения к ним выступают как «относительно оформившиеся в литературном отношении мифологические рассказы». Да и само обращение к той или иной теме свидетельствует об определенной идеологической позиции автора, следовательно, элементы «переработки» присутствуют в самом начале. Это значит, что темы являются необходимыми отправными точками, отнюдь не безразличными для исследователей.

Трудно согласиться и со вторым аргументом, согласно которому несколько тем могут служить одной и той же цели. Да и верно ли, что тематика «Фауста», «Манфреда» или «Иисуса на Елеонской горе» совершенно одинакова? То общее, что им присуще, носит слишком поверхностный характер, как и сама формула «человеческая судьба». А то, что тематологические исследования сводятся в сущности, к простым перечням произведений, – утверждение, также основывающееся на неудачах отдельных исследований.

И так мы можем сделать вывод вместе с Р. Труссоном, контраргументы которого мы немного дополнили, что нет никаких серьезных оснований для того, чтобы исключить тематологию из пределов сравнительного литературоведения, как, впрочем, и всей науки о литературе в целом.

И, наконец, добавим, что и последний аргумент, согласно которому подобные исследования представлены в большом обилии, тоже не выдерживает критики: во многих национальных литературах разработка тематологии находится еще в начальной стадии.

Для Паул ван Тигема темы – это «безличные ситуации, традиционные мотивы, сюжеты, места действия, фон, обычаи» и т.д. К ним он присоединяет типы и легенды, намечая тем самым три четко разграниченные категории тем.

Прежде чем перейти к характеристике этой пестрой смеси, попытаемся навести в ней некоторый порядок. Темы, например, невозможно смешивать с мотивами и тем более сюжетами. Первые, в сущности, гораздо шире остальных: мотивы – это импульсы, которые частично обуславливают действия в рамках тем, характеризующихся большей широтой, а сюжеты выступают как формы, обусловленные своей внутренней мотивировкой. Темы обычно охватывают более широкое, обобщенное содержание, но без конкретизации. Следовательно, надо разграничивать эти термины: говорить о темах и мотивах, с одной стороны, о сюжетах с другой, или о темах и сюжетах, различая соответственно их сущности. По той же причине нет никакой необходимости прибегать к трехчленной классификации, ибо типы и легенды, по существу, те же темы: тип Антигоны или Прометея в действительности темы, конкретизированные в героях, а легенды – не что иное, как категория специальных тем, охватывающих мифических героев и сверхчеловеческие действия.

Назовем несколько наиболее важных тем, привлечших внимание или способных привлечь внимание компаративистов.

Прежде всего это темы, охватывающие самые общие типические ситуации – например, жертва во имя долга, неверность, месть и т.д. Приведем одну такую тему, которая находит яркое воплощение в типическом образе, то есть наблюдается тождество темы и типа. Мы имеем в виду типическую ситуацию мести, конкретизированную, например, в образе Медеи. Истоки темы связаны с древним мифом аргонафтов, воспетых эпическими и лирическими поэтами античной Греции. Первым трагедийным воплощением мы обязаны, как известно, Еврипиду, который создал характеры потрясающей силы и тем самым положил начало подлинной традиции, объединившей ряд латинских авторов, оставшихся неизвестными, затем Овидию, чья трагедия утеряна, и, наконец, Сенеке. И в последующие века обращались к этой теме: в XVI веке Хуан де ла Пейруз – подражатель Сенеки, а затем, в эпоху классицизма, – Корнель. В XVIII веке во Франции, Германии, Италии появляются произведения на ту же тему, а в XIX веке Франц Грильпарцер сочиняет трагедию с тем же названием.

Само собой разумеется, что при исследовании подобной темы должны соблюдаться все вышеизложенные требования, а именно: выявлены традиции. Прослежены – непрерывность темы, различные обращения к ней на протяжении веков, оригинальность интерпретаций, влияния одних произведений на другие и т.д.

Другая категория тем связана с географическими местами, наиболее часто встречающимися в мировой литературе, – Рим, Венеция, Италия, Париж и др. Обратимся в качестве примера к Венеции. Специалист по сравнительному литературоведению мог бы назвать целый ряд произведений на эту тему начиная с трагедии конца XVII века англичанина Томаса Отуэя «Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор» (1682), пользовавшийся шумным успехом в свое время и даже в последующее столетие и написанное в свою очередь на основе

работы француза Сен Реала «Заговор испанцев против Венецианской Республики в 1618 г.». драма английского писателя была переведена на немецкий язык и переработана в 1905 году. Гуго фон Гофмансталем («Спасенная Венеция»). Против нее резко выступил Стефан Георг. Позднее Томас Манн написал большой рассказ «Смерть в Венеции» (1912), затем Морис Баррес также описал «Мертвый город» в произведении «*Fmori et dolori sacrum*» («Что свято в любви и страдании»), в котором рассказал о пребывании здесь Гете, Шатобриана, Байрона, Мюссе, Жорж Санд, Рихарда Вагнера.

Нужно быть далеки от мысли, что тождество места дает основание для утверждения о тождестве темы. В первых трех произведениях ощутима политическая направленность, в остальных – превалирует художественный аспект. Общим остается лишь мотив воздействия духовного климата итальянского города на соответствующих героев или авторов.

Другую тематическую группу составляют «предметы» в самом общем смысле слова, то есть растения, животные, неодушевленные предметы и т.д. в исследовании анализируются произведения античной – греческой и латинской поэзии, затем латинской, французской и итальянской поэзии средневековья и, наконец, поэзии французского и итальянского Возрождения. Авторы обнаруживают корни темы в Библии и прослеживают ее дальнейшее развитие, причем показывают и непрерывность традиции, и своеобразие каждого произведения, и влияние одних произведений на другие.

Другая группа тем объединяет наиболее распространенные в мировой литературе национальные типы: турок, еврей, венгр, немец, англичанин и т.д.; профессиональные – солдат, офицер, слуга, куртизанка и т.д., и социальные – крестьянин, аристократ, пролетарий и т.д. Возьмем в качестве примера тип крестьянина в мировой литературе. Только в эпоху Возрождения можно назвать комедию Лопе де Вега «Крестьянин в своей яме» (1617), Тирсо де Молина «Крестьянка из Валлекоса» (1620), позднее роман Бальзака «Крестьяне» (1846) и «Мужиок» Реймонта (1909). Этот перечень можно дополнить творениями многих других прозаиков. Конечно же, и внутри этой темы можно выделить различные мотивы внутри этой темы можно выделить различные мотивы и разные аспекты воплощения образа крестьянина: эксплуатируемого, разбогатевшего, бунтаря и т.д.

Особые группы составляют легендарные типы – библейские Сатана, Каин или Иуда; греческого происхождения – Прометей, Эдип, Медея, Саффо, Меандр, или возникшие на основе народных преданий – Фауст, Дон Жуан. Рассмотрим тему «Прометей», которой посвятил большое исследование Р. Труссон. Список привлеченных произведений исключительно разнообразен: от античных мифов к Гесиоду и до первого художественного воплощения в трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». Затем этот образ вновь появляется в средние века в христианском обличье, но особой выразительности он достигает в эпоху Возрождения и в сочинениях эрудитов по мифологии, подобных работе Боккаччо (1360), и в творениях мыслителей эпохи – Фичино, Эразма, Бэкона, Бруно, и в произведениях поэтов Возрождения, и, наконец, у петраркистов; затем в XVII – XVIII вв. у энциклопедистов, после чего появляются фрагменты Гете и Гердера, Прометей Романтиков (начиная с Шелли). К этой же теме обращались и во второй половине XIX в., и в нашем столетии. В исследованиях Труссона¹ имеются материалы, связанные с литературами народов Восточной Европы.

Другим важным аспектом структуры литературного явления признаны идеи, и поэтому они, естественно, тоже находятся в поле зрения исследователей компаративистов. Паул ван Тигем после 1931 г. ввел в сравнительное литературоведение в качестве важного направления исследование «истории идей». Десятилетие спустя это начинание горячо поддерживали англичане. Под «идеями» мы здесь понимаем не абстрактное суждение вообще, анализом которого по праву занимается философия, а лишь те интеллектуальные выводы, которые обусловлены внутренним миром писателя или обуславливают его. Это зона пересечения философии и литературного искусства, где упор делается, разумеется, на эмоцию, порожденную идеей.

¹ R. Rousson, *Le theme de Promethee dans la litterature europeenne*, Geneva, Вкця, 1964.

В общих чертах идеи выступают в литературе в двух видах: одни вытекают из содержания литературного произведения, например, «Лучафэрул», «Бедный Дионис», поэмы Леопарди, Виньи, истоки которых выявляются путем сравнительных исследований; другие отражают сущность всего творчества писателя, его мировоззрение («Weltanschauung»), на которое могли оказать влияние и философы, и великие художники слова, например Руссо, Шопенгауэр, Ницше, Толстой, немецкие экзистенциалисты и т.д. Истории литературы известны имена писателей-философов или философов-писателей Платона, Монтеня, Паскаля, Руссо, Сартра.

Сравнительные исследования такого рода должны в равной мере касаться как философского, так и литературного планов. Впрочем, разделить их просто невозможно.

Распространение литературных и философских идей принимают все больший размах, охватывая Англию, Германию, Францию и Голландию. Это время, когда начинается шторм во имя разума против традиционных концепций.

Рассмотрим некоторые наиболее важные группы идей, которые составили или могут составить предмет сравнительных исследований.

Это прежде всего философские идеи, подобные тем, что стали предметом изучения в трудах многих компаративистов. В этом смысле XVIII век представляет благоприятную почву. Компаративисты исследуют философские идеи тех или иных литературных произведений либо литературных течений от народа к народу, выявляя как уже упоминалось выше, совпадения между философией и литературой. Сюда же можно отнести и религиозные идеи как некий раздел философских. Они присутствуют в произведениях таких писателей, как Паскаль, Клопшток, Лессинг, Новалис, Мильтон, Ламартин, Достоевский и др. Те или иные религиозные либо антирелигиозные идеи в тенденции встречаются почти во все литературные эпохи, и обязанность сравнительного литературоведения – выявить их источники, которые можно обнаружить в Библии, и в творениях писателей, и в идеях различных наций или литературных течений. При изучении истории религиозных идей такие источники обнаруживаются в произведениях Паскаля, Боссюэ, Фенелона, Вольтера, Руссо, Шатобриана, Ламенне и др.

Особую категорию в истории идей составляют нравственные идеи. Такого рода идеи, естественно, встречаются в очень многих литературных произведениях, ибо они затрагивают самые различные аспекты человеческой жизни, самой ее сущности. Примат нравственного сознания – явление столь частое, что в литературе крайне затруднительно отобрать лучшие произведения на протяжении любого периода, скажем до античности до Ибсена. Наиболее показательной в этом плане является трагедия Корнеля «Полиевкт», написанная в 1643 г. Согласно утверждениям самого автора, источником послужило творение Симеона Метафраста «Святой Полиевкт», в котором он поведал трагическую историю героя, защитника христиан от преследования римских властей, осужденного на смерть и казненного собственным тестем. Автором затронут целый комплекс нравственных проблем, и работу Корнеля наряду с ее источником следует поставить в один ряд со многими музыкальными творениями на ту же тему – Доницетти (1840), Гуно (1878), Дюка (1891).

Весьма важным для развития литературы было нравственное воздействие творчества Петрарки, воспринимавшееся как некий свод этических правил XV и XVI вв., а затем Монтеня, чьи «Опыты» нашли большое количество последователей в Англии, а также среди французских моралистов XVIIв., оказавших позднее влияние на Шопенгаэра, Ницше, Руссо и Л. Толстого, творчеству которого Маркович посвятил свое исследование, вышедшее в 1928 г.

Весьма любопытна категория научных идей, постоянно оказывавшая заметное воздействие на литературу. Так, например, научные теории биологов и социологов конца минувшего столетия сказались в творчестве Эмиля Золя, а декаденты подверглись воздействию идей психиатрии и психоанализа. «Ученая поэзия» существовала еще в пору «Плеяды», а новые открытия науки нашего времени неоднократно привлекали внимание литературы.

Особое значение представляли, конечно же, эстетические идеи, которые получили широкое хождение еще в эпоху Возрождения и быстро распространились из Италии во многие уголки Европы в рамках классицистических воззрений на искусство. Влияние Аристотеля не Горация и обоих на деятелей Возрождения, а также Буало или Дидро на Лессинга,

распространение различных романтических идей в странах Запада – вот лишь некоторые аспекты этой столь плодотворной области исследования.

И еще следует назвать политические идеи, которые мы находим в творениях многих философов – от Платона до Бэкона, Гоббса, Макиавелли, Локка, Вико, Гегеля. Литература – во все периоды своего развития – постоянно обращалась к описанию больших и малых политических и общественных событий. При этом национальные элементы переплетались с интернациональными, одни политические концепции влияли на другие; и у сравнительного литературоведения нет никаких причин игнорировать столь богатое идейное наследие.

Теперь мы перейдем от рассмотрения идей, которые, как мы уже заметили, важны для литературы, скорее, тем отзвуком, который они вызывают в духовном мире художника, к самому духовному миру творца, того внутреннего «я», которое, казалось бы, невозможно передать другому, так как чисто личный характер чувства несовместим с широкой коммуникацией. Однако существуют, как замечал Паул ван Тигем, многочисленные коллективные чувства, как, например, чувство патриотизма, чести, семейной чести, гостеприимства, мести, которые можно исследовать в плане влияний и преемственности. О воплощении в литературе чувства самой жестокой мести мы уже говорили в связи с проблемой тематологических исследований. Представляется необходимым обратить особое внимание на литературу сентиментализма, в которой мир чувств занимает основное место как некая решительная, почти вызывающая реакция против рассудочности и ее крайних проявлений. Мы знаем, что во второй половине XVIII века произошло что-то вроде «революции чувства в литературе» и произведения той поры – типичный образец такой литературы. Но до этого времени особый взлет чувств можно было наблюдать в XII и XIII вв. в поэзии трубадуров. Возникнув в Провансе, поэзия эта вскоре проникла в Северную Францию, Германию и Италию. Лирика трубадуров была, как известно, придворной поэзией, облакавшей в учтивые рыцарские выражения любовные темы. О ее распространении свидетельствует тот факт, что уже известны имена 400 певцов, а другие 70 остались неопознанными. Наиболее известны среди них: Гильом IX, герцог Аквитанский, граф де Пуатье, а также Джафре Рюдель, Блейский принц и др.

Кульм чувствительности принимает в XVIII в. форму подлинной моды. К этому времени и относится возникновение нового направления – сентиментализма, представленного в Западной Европе творениями Прево, Ричардсона, Руссо и Гете, автора «Вертера». Эти романы большей частью в письмах – а форма письма была уже сама по себе проявлением особой чувствительности, – пользовались в свое время огромным успехом. При этом английская литература оказала мощное воздействие на литературу Франции и Германии, а они в свою очередь влияли друг на друга. Письма из «Памелы», «Амалии», «Новой Элоизы», «Вертера» буквально наводнили эпоху, они воспевали чувство и поощряли его. Тогда-то и появились те самые «назидательные и моральные чувства», в которых мир эмоций и идей сливался воедино. Самуэль Ричардсон даже извлек из собственного творения «антологию назидательных изречений и чувств». Предромантизм и романтизм благоприятствовали развитию сентиментальной поэзии, так как они постоянно обращались к теме смерти, гибели всего живого. Отсюда описание и воспевание руин, столь распространенное во всей европейской литературе, в том числе и в нашей (творчество Крылова, Александровского и Элиаде). То же самое произошло с другими категориями чувств, в том числе с любовью к природе, достигшей особой эмоциональной силы у романтиков, хотя и до этого оно неоднократно встречалось в самых различных произведениях.

К области сравнительного литературоведения относится, далее, изучение литературных жанров и видов никогда не ограничивалось тесными рамками отдельной литературы, оно охватывало не одну, а несколько эпох. Следовательно, разработка истории литературных жанров возможно лишь при условии их сравнительного изучения.

Категория и теория жанров и видов претерпели изменения на протяжении веков – от классического периода к неоклассическому, от Аристотеля и Горация к Буало, от них к XVII веку, затем в эпоху романтизма и далее, вплоть до нашего времени. После мощного удара, полученного ими в пору романтизма, когда они отнюдь не исчезли, как полагают некоторые

исследователи, а просто перемешались, усилив при этом отдельные свои характерные особенности, жанры и виды снова утверждаются под влиянием классификации естественных наук. Решительная позиция Брюнетьера и вызванные ею преувеличения и извращения обусловили общую тенденцию недооценки жанров и видов.

Исследование жанров и видов, то есть то, что Паул ван Тигем предлагает назвать несколько странно «жанрологией», возможно, как мы указывали выше, лишь в международном контексте, следовательно, оно специфическая область нашей дисциплины. предметом историко-сопоставительных исследований может стать любой жанр и любой вид. Так эволюцию дорожного или фантастического рассказа можно проследить, изучая произведения от Сирано де Бержерака до Свифта, Гольберга и Вольтера. В последнем случае выясняется, что еще до Боккаччо, до того, как итальянцы треченто стали применять термин «новелла», существовало множество героических и сентиментальных, реалистических, сатирических и фривольных рассказов, даже фабль. Но вид как таковой появляется лишь после того, как, освободившись от элементов аллегоричности и дидактизма, а также простонародной грубоватости, он окончательно оформился в «Декамероне» Боккаччо (1350-1355), за которым последовала целая серия сборников итальянских новелл XIV – XVI вв. Это подлинный золотой век новеллы, ставшей к тому времени реалистически-сатирической и весьма игривой. Начиная с XIV века новелла встречается в различных уголках Европы: в Англии выходят «Кентерберийские рассказы» Чосера (1387), в Испании – «Граф Луканор» Х. Мануэля, Кастильского инфанта. XV и XVI век – пора расцвета буржуазной галантной новеллы, пронизанный нравственным скептицизмом и даже цинизмом. Образцом могут служить произведения сборника «Сто новых новелл». Следующий век отмечен кульминационным моментом в истории вида. Следует заметить, что к этому времени претерпевает изменение само понятие «новелла»: оно обозначает теперь и сентиментальный рассказ. Подобного рода новеллой является «Принцесса Клевская» графини де Лафайет. В XVIII в. продолжается развитие новеллы в творчестве Лессаж, Прево, Дидро, правда теперь, в соответствии с духом эпохи Просвещения, предпочтение отдается философскому рассказу. Романтизм также помог – своими специфическими изобразительно-выразительными средствами – развитию новеллы, которая, отличаясь особой сжатостью, значительно усиливает эмоциональное воздействие произведения, к чему и стремились представители этого течения. В новелистике Мериме, Нодье, Бальзака, Нерваля и др. отражены наиболее характерные особенности романтического искусства. Произведения Доде и Мопассана – свидетельства дальнейшего развития новеллы в натуралистической литературе. В Германии романтизм содействует развитию фантастической новеллы Арнима, Гофмана и Тика, причем последний даже разработал теорию, согласно которой новелла якобы «разрешает противоречия жизни, она примиряет идеализм с реализмом».

Реалистические тенденции обнаруживаются позднее в произведениях Шторма, Келлера и Майера. В Англии новелла получает развитие в творчестве Диккенсона, Стивенсона, Киплинга, Лоуренса, Менсфилд, Мозма америка представлена фантастической новеллой Э. По, а в XX в. творениями Ш. Андерсона. Особую главу составляет русский рассказ: Пушкина, Гоголя, Л. Толстого, Чехова. В последние десятилетия прошлого века казалось, что новелла отошла на задний план, уступив свои позиции роману. Начались дискуссии, заговорили даже о «кризисе новеллы», однако благодаря усилиям Аполлинера, Мориака, Сартра престиж новеллы был снова восстановлен.

Мы представили здесь, разумеется, лишь краткий исторический набросок развития новеллы, но даже в этом небольшом обзоре можно проследить не только этапы ее развития, но и те ее заимствования и влияния, которые в каждую эпоху, в творчестве каждого писателя содействовали ее становлению.

Не меньший интерес представляет и развитие романа – литературного вида, наиболее характерного для нашей эпохи. Роману посвящено большое число широко распространенных

исследований, рассматривающих преимущественно современное его состояние. Им предшествовали, конечно, более давние работы, как, например, исследования Луи Мэгрона об историческом романе в романтическую эпоху¹. развитие исторического романа прослеживается в работе Мэгрона от произведений его основоположника В. Скотта до романов Виньи, Бальзака, Мериме и Гюго. В центре внимания автора не творец, а структура самого произведения, техника его создания, – и в этом плане, как показано в работе, французы так и не смогли подняться до уровня произведений Скотта.

Предметом сравнительных исследований могут стать, естественно, и виды лирического жанра – сатира, басня, элегия, размышление, – развитие которых наблюдается как в вертикальном, так и в горизонтальном срезе во многих литературах. Одной из наиболее предпочитаемых тем в этом отношении является влияние некоторых литературных школ, например петраркизма. Его воздействие в работе Ж. Вианея (1909) с XVI и до XVIII в., в румынской работе Ж. Левизеску о петраркизме в Германии¹

Само собой разумеется, что и проблемы драматургии привлекали внимание компаративистов. Судьба классической трагедии, властвовавшей в продолжение трех столетий на театральных подмостках Европы, влияние Корнеля и Расина на драматургию Англии, Голландии (работа Бауэнса, 1921) не могли не заинтересовать исследователей. То же самое происходит и с комедией: в исследовании Мартинанга, например, рассматриваются проблемы испанской комедии и ее отзвуки в литературе Франции, Англии, Голландии, Германии. Естественно, что с не меньшим интересом прослеживалось воздействие творений Мольера вплоть до XIX в.; весьма значительной является тема влияния шекспировской драмы. Гундольф, например, рассматривал эти влияния на “немецкий дух” в трех аспектах: с точки зрения “предмета, формы и содержания”. Напомним в этой связи и работу Тудора Виану о воздействии шекспировских творений на литературу Европы.

Нетрудно догадаться, что о литературных жанрах и видах можно написать самые разнообразные сравнительно-исторические работы, и потому приведенные нами в этом разделе исследования – как, впрочем, и во всех других разделах – служат всего лишь иллюстрацией к сказанному.

Характерным аспектом структуры литературного произведения является композиция, или, как ее еще называют, “общая архитектура произведения”. Особый интерес проблемы композиции вызывали еще в прошлом веке. Правда, не обошлось и без некоторых догматических трактовок: Поль Бурже, например, выступал за четко геометрически построенный роман. На самом деле иные литературные виды могут прекрасно обойтись и без четкой композиции. А. Тибодэ отрицал наличие композиции в лирической поэзии, спонтанный характер которой несовместим с любой заранее разработанной формой организации. Если вспомнить, однако, что отсутствие композиции, столь характерное для современного “нового” романа, есть, по сути дела, форма утверждения некой композиции, а именно нарочитого беспорядка как средства отражения определенных жизненных концепций, то очень важного аспекта литературного произведения. Некоторые произведения, особенно эпические, построены в виде цепи – события концентрируются вокруг главных персонажей и следуют в логической последовательности один за другим. Есть произведения, построенные в виде “ткани”, в том смысле, что автор прослеживает нити отдельных действий, потом оставив их на время, снова возвращается к ним. Часто нити событий связываются между собой, как в “Анне Карениной” Толстого. Можно назвать другие типы композиции – в виде “открытой перспективы”, “лабиринта” и др. задача сравнительного литературоведения в том и состоит, чтобы определить различные типы композиции, привести в качестве примера наиболее характерные произведения, а затем проследить повторение этих типов в ходе развития той или иной темы или жанра в различных странах. Разумеется, речь пойдет о приемах, заимствованных у

¹ L. Vaignon, *Le roman historique a l'époque romantique*, Paris, 1898 – 1912.

¹ J. Livwescu, *Deutscher*

иностранных писателей, а также об изменении этих приемов в национальном творчестве, а в ряде случаев и о простых параллелизмах композиционного характера, выражающих сходное содержание.

Так как литературные структуры основываются на языковом материале, сравнительное литературоведение должно изучать и эту сторону произведения, в связи с чем встает целый ряд проблем литературной стилистики. Сделаем несколько общих замечаний по этому поводу.

Знаменитое изречение Бюффона, что “стиль – это человек”, настойчиво напоминает о том, что у стиля личный, сугубо частный характер. Тот факт, что он тесно связан со структурой национального языка, еще больше подчеркивает его специфический характер в рамках четко разграниченной человеческой общности. Могло казаться, что сравнительный метод неприменим к литературной стилистике, объединяющей слишком индивидуализированные явления. Некоторые стилисты определяют стиль как “индивидуальную интерпретацию” языка. На самом деле подобного рода определения страдают однобокостью, они приписывают стилю лишь функцию отражения, совершенно упуская из виду то важнейшее обстоятельство, что в конечном счете стиль носит не сугубо интроспективный характер, что он средство коммуникации и, как таковой, отличается несомненной социальной направленностью. Поэтому совершенно правы те, кто говорит об органическом напластовании в стиле двух начал – относительно индивидуального и обобщенно-социального, и о том, что в стиле соединены элементы национальной структуры и необходимые иностранные влияния. Итак, роль сравнительных исследований очевидна и при изучении стиля; более того, по мнению Этиембля, здесь они имеют основополагающее значение, так как, в сущности, “литература состоит из слов”. И все же сравнительные стилистические исследования в этой области крайне редки. Правда, в последние годы и в этом направлении прилагались определенные усилия, о чем напоминает французский ученый. В частности, он называет серию работ, которая начала выходить у Дидье, и две работы по сравнительной стилистике французского и немецкого языков (авторы ДЖ. П. Винэй и Дж. Дэрбильтет, 1958, и Альфред Мальбланк, 1961). Далее, он ведет речь о сравнительном исследовании французского и польского языков Болеслава Кирского, об усилении внимания к такого рода изысканиям в социалистическом мире, особенно в трудах Алексеева и Жирмунского. Мы со своей стороны хотим отметить плодотворные усилия Тудора Виану, давшие толчок развитию литературной стилистики у нас в Румынии. Правда, в его трудах вопросы сравнительной стилистики затрагиваются лишь косвенно.

Первый раздел сравнительной стилистики должен рассматривать проблемы языка, то есть слов и лексических структур, заимствованных из других языков. Вряд ли нужно доказывать, что языки влияют друг на друга и что в определенные эпохи такое влияние бывает весьма эффективным. Во Франции XVI в. писатели боролись против засилья грецизмов и итальянизмов, в Испании XVIII в. – против офранцуживания языка, у нас в XVI-XVIII вв. велась упорная борьба с славянизмами и грецизмами, а в XIX в. против искусственной латинизации и итальянизации. В наше время ведутся горячие споры относительно американского влияния на французский и немецкий языки и т.д. Такого рода влияния были названы самим Этиемблем “актами колонизации” и всегда вызывали бурную реакцию.

Необходимо, однако, заметить, что следует смешивать чисто лингвистическое исследование со сравнительно-литературоведческим. Контаминация языков изучается нашей наукой лишь постольку, поскольку она становится фактом литературной стилистики, то есть затрагивает проблемы литературной изобразительности и выразительности. Иными словами, влияние чужого языка интересует сравнительное литературоведение лишь в том случае, если оно содействует – в положительной или отрицательной форме – решению определенных художественных задач. Например, когда чужие заимствования помогают усилению комического путем изменения лексического состава, или выявлению отрицательных черт характера – педантизм снобизм и др., или, наконец, когда иноязычные элементы затрудняют понимание содержания литературного произведения.

Наряду с разделом лексической стилистики существует раздел фонетической стилистики, изучающей выразительные возможности звуков: зияния, какофонии, аллитерации и ассонансы,

но не игнорирующей при этом и фонетический символизм в его конкретном соотношении с содержанием всего контекста. Напомним еще о существовании морфологической и синтаксической стилистик, а также о стилистических оборотах. По всем этим вопросам – по каждому в отдельности и во всей их совокупности – сравнительное литературоведение может сказать свое веское слово. К сожалению, до сих пор оно делает это весьма нерешительно.

Особый раздел сравнительной стилистики занимается тропами, их влиянием на различные литературы. Например, тропы литературного барокко XVII в. не прошли незамеченными, их литературный тип сохранился вплоть до нашего времени. Сравнительные исследования стилистических конструкций могли бы выявить, с одной стороны, общие для нескольких литератур тропы, а с другой, связанные с определенными национальными литературами, и, наконец, тропы, принадлежащие тому или иному конкретному писателю. Отличие между ними в различных литературах порой столь велико, что один и тот же троп может вызвать неодинаковые и даже противоположные чувства. Этиембль приводит пример с белым цветом, который у нас ассоциируется с чистотой и вызывает соответствующие эмоции, а у китайцев, скажем, олицетворяют траур, одиночество и страдание.

Предметом сравнительного изучения могут оказаться различные формы поэзии, проблемы строфики, метрики, ритма и рифмы. Исследование сонета, газели, ронделя или глоссы осуществлено лишь частично, сопоставлению подверглись лишь отдельные характерные образцы, а также типы строфы (терцина, катрен, октава и т.д.).

ФОРМЫ И ТИПЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Прямые отношения

В главе «о названии науки и ее предмете» мы останавливали наше внимание на основных типах международных литературных отношений и перечислили их:

1. Прямые отношения, или контакты, между литературами.
2. Параллелизмы, то есть типологические схождения, не предполагающие генетического родства.
3. Отношения зависимости, которые устанавливаются при сопоставлении литератур с целью выявления оригинальных структур каждой из них.

Рассмотрим, прежде всего, прямые отношения между местными, или национальными, литературами.

Прямым отношениям различных литератур содействует ряд условий общего порядка, например обмен товарами, происходивший зачастую одновременно с книжным обменом, не говоря уже о тех случаях, когда сами книги становятся предметом торговых сделок. Даже некоторые войны и те сыграли определенную роль в распространении культуры, например войны античности, Возрождения, наполеоновские, отдельные войны нашего времени, в той мере, какой они, не ограничиваясь разрушениями, содействовали установлению литературных контактов.

В самые различные периоды развития общества, от античности и наших дней, создавались – в силу особых обстоятельств – благоприятные условия для налаживания культурных международных и литературных отношений. Сущность подобных отношений в эпоху Просвещения была детально наследована Полем Азаром. С начала XIX века эти контакты обрели такой размах, что Гете имел все основания утверждать еще в 1827 г., что поэзия стала «принадлежностью всего человечества» и что настало время для становления «всемирной литературы».

Есть факторы, способствующие передаче «литературного материала», то есть тем, мотивов, типов, идей, чувств, жанров. Жанровых форм, композиционных построений, различных вариантов стиля, строфики и метрики от литературы передающей к литературе воспринимающей. Эти факторы порой называли «посыльными» компаративизма или

«посредниками» между сопоставляемыми элементами. Паул ван Тигем попытался даже обозначить раздел науки, занимающейся этими факторами, греческим словом «мессология» (от «мессос» – середина), но термин этот не прижился.

Контакты между литературами особенно эффективны тогда, разумеется, когда они основываются на знании соответствующих языков. Это обеспечивает оптимальные условия для усвоения оригинального текста. Следовательно, одна из важнейших задач сравнительного литературоведения и состоит в том, чтобы изучить процессы проникновения иностранных языков в различные страны выявить позиции их освоения, уточнит сферы их распространения. Во многих исследованиях было показано, что при всей симпатии ко всему немецкому, французские романтики – Гюго, Ламартин, Вини, Мюссе – отнюдь не блистали знанием немецкого языка. Как правило, вопросы, связанные с распространением иностранных языков освещались только лингвистами – и то косвенно – и М. Гюйяр приводит в качестве примера труд Фрезера Маккензи «Отражение в словаре отношений между Англией и Францией» (1939).

Что касается нашей страны, то в более давние времена иностранные языки – точнее, церковнославянские и греческие, бывшие тогда в обиходе, знали лишь церковники и бояре, и это содействовало их ознакомлению с литературой соседних народов. В XXI веке распространяются западные европейские языки, прежде всего французский, а затем немецкий, итальянский, английский.

Среди других факторов, содействующих установлению контактов между литературами, назовем ряд индивидуальных и коллективных посредников. Что касается первых, сошлемся на некоторые хорошо известные имена: из французских писателей XVIII в. аббат Лебланк, аббат Прево или Лаплас тсали посланцами английской литературы во Франции, Бонвиль и Лиебо – фравнцузской в Германии, Лэнгет – в Испании. Немецкая поэзия нашла в лице Бертоли своего глашатая в Италии, а французская литература – в первую очередь Руссо – Карамзина в Росссии. Наиболее представительными фигурами французской культуры остаются для Англии Вольтер, для Германии г-жа де Сталь. Вольтер высланный в Англию в 1726 году после своего тягостного столкновения дворянином Роганом, жил здесь три года окруженный вниманием местной аристократии, литераторов, ученых, философов. Глубокое впечатление произвели на Вольтера достижения англичан в области философии и особенно политики, царившая здесь свобода мнений, религиозная терпимость и нетерпимость к любой форме абсолютизма. Вернувшись на родину, он описывает в «философских письмах », вышедших в Англии в 1733 году и через год во Франции, где были немедленно преданы сожжению, политические, литературные и литературные взгляды, усвоенные им в годы ссылки. Позднее в 1810 году г-жа де Сталь в знаменитой работе «О Германии» ставит перед собой подобные же цели, а именно распространит во Франции литературные взгляды периода духовного расцвета Германии, утверждение немецкого романтизма – эпохи «бури и натиска». Содержащая богатый философский, социологический и литературный материал, работа писательницы представляет особую ценность не только потому, что содействовала распространению во Франции немецких романтических идей, но и потому, что оживило французский либерализм, подавленный императором Наполеоном.

Интерес представляет также случай, когда контакты между культурами или литературами устанавливаются через посредства людей, которые не принадлежат ни к «передающей», ни к «воспринимающей» стороне. Такой фигурой был голландец Эразм Роттердамский, много сделавший для укрепления позиций западного гуманизма и наладивший связи с гуманистами восточно-европейских стран, например с Николаусом Олахусом, живя в Цюрихе, Бодмер и Брайтингер всячески содействует распространению идей Английской литературы В Германии.